

УДК 902.2(470.24)

DOI: 10.34680/978-5-89896-734-5/2020.NHB.08

П. Г. Гайдуков, А. А. Кудрявцев

**ПЕРВЫЕ ПЛАНОМЕРНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ В НОВГОРОДЕ
(РАСКОПКИ НА СЛАВНЕ в 1930-х гг.)**

Аннотация. В статье приводится подробный разбор публикаций и отчетной документации археологических исследований А. В. Арциховского на Славне в 1930-х гг. Поэтапно прослежен ход работ, проанализированы их итоги и значение для археологии Новгорода. Скорректированы и дополнены заключения А. В. Арциховского с учетом привлечения данных последующих раскопок в южной части Славенского конца.

Ключевые слова: Новгород, Арциховский, Славно, топография, материальная культура, фортификации.

Abstract. The article provides a detailed analysis of publications and reporting documentation of archaeological research of A. V. Artsikhovsky on Slavno in 1930s. The progress of work is consistently traced, its results and the significance for the archaeology of Novgorod are analyzed. With the involvement of further excavations in the southern part of the Slavonic end the conclusions of A. V. Artsikhovsky are adjusted and supplemented.

Keywords: Novgorod, Artsikhovsky, Slavno, topography, material culture, fortifications.

Раскопки на Славне – в южной части Торговой стороны Новгорода, организованные Государственной академией истории материальной культуры (ГАИМК) и Государственным историческим музеем, были проведены под руководством А. В. Арциховского в 1932, 1934, 1936 и 1937 гг. (рис. 1). Они ознаменовали начало планомерного археологического изучения Новгорода и заложили программу его дальнейших многолетних исследований. Амбициозные задачи и новаторские методические решения, предложенные А. В. Арциховским, а также значительные результаты, полученные в ходе этих раскопок, являются ярким эпизодом в истории археологического изучения древнерусского города. С тех пор прошло более 80 лет. С учетом накопленного новгородской археологией опыта необходимо вернуться к материалам раскопок на Славне, заново проанализировать публикации и отчетную документацию.

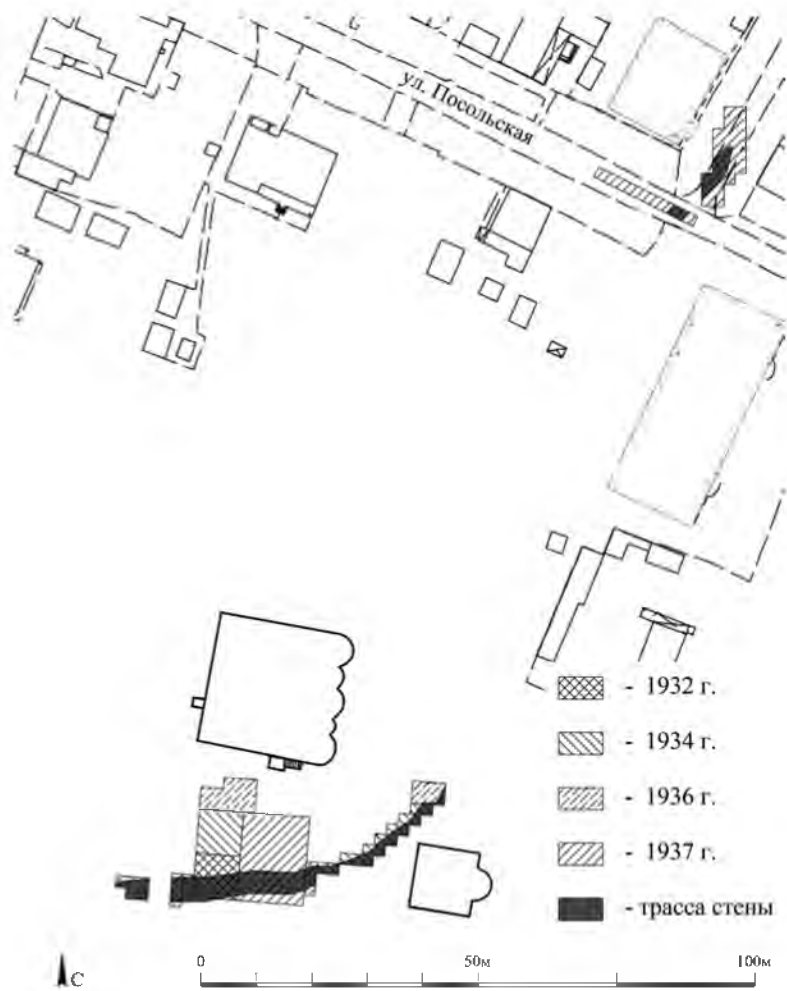

Рис. 1. Схема раскопов А. В. Арциховского на Славне

Ряд спасательных раскопов и шурфов последних десятилетий в этой части города позволяют дополнить сведения, полученные А. В. Арциховским, и включить их в более широкий археологический контекст (рис. 2).

Для раскопок довоенного периода исследования на Славне следует признать весьма полно изданными. Уже в первой публикации, посвященной итогам полевого сезона 1932 г., представлено подробное обоснование выбора места работ, приведены данные о стратиграфии культурного слоя, предложено деление застройки на три яруса и даны первоначальные выводы (Арциховский, Каргер, 1933). В статье 1937 г. изложены результаты раскопок 1934 г. В ней, помимо стратиграфических наблюдений, много внимания уделено вещевому комплексу

(Арциховский, Рыбаков, 1937). Упомянем еще две краткие заметки, посвященные этим работам (Арциховский, 1935; Засурцев, 1938).

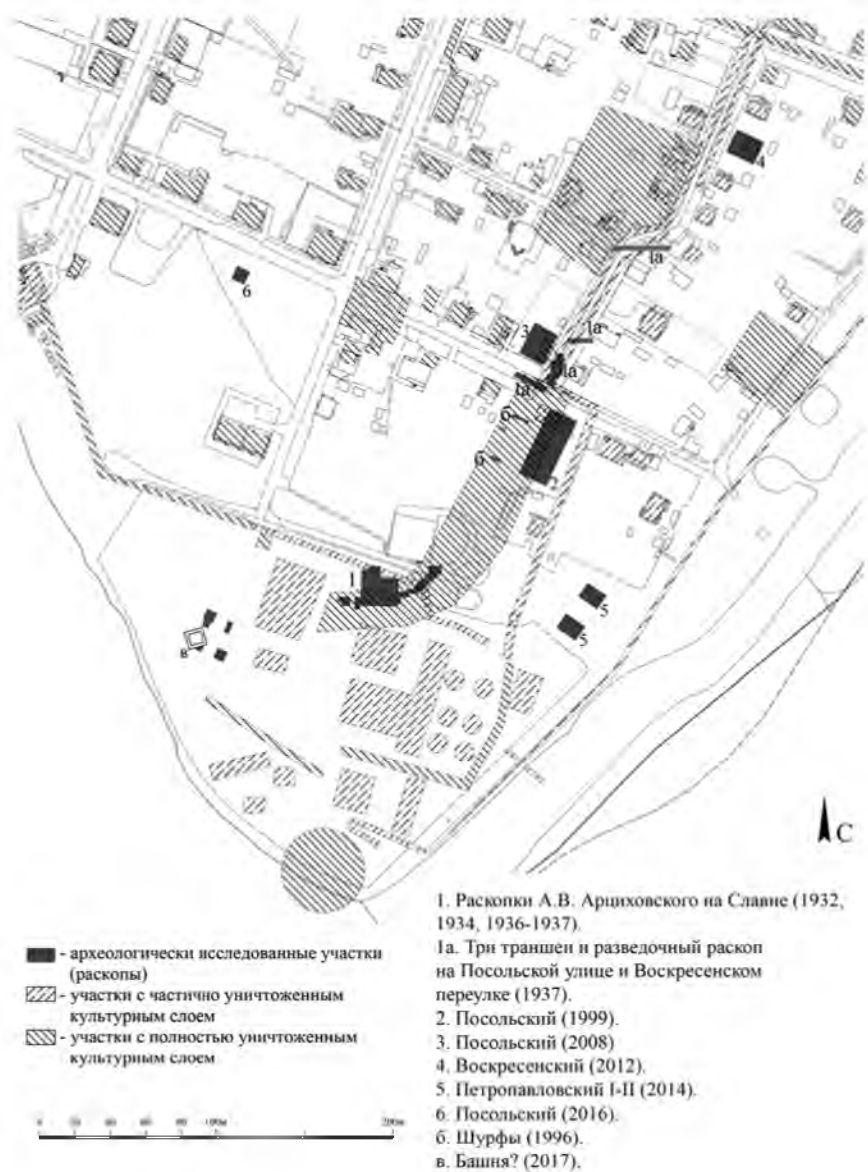

Рис. 2. Схема раскопов и шурфов в южной части Славенского конца (с использованием материалов Опорного историко-археологического плана Великого Новгорода)

Более полные публикации вышли в послевоенный период. М. К. Каргер, подводя итог археологическому изучению Новгорода

в довоенный период, особо выделил материалы работ на Славне, представив их основные результаты (Каргер, 1947. С. 139–145).

Завершил этот ряд А. В. Арциховский пространной итоговой публикацией, где подробно изложил ход работ на раскопе, представил особенности его стратиграфии и застройки (Арциховский, 1949). Охарактеризованы открытые ремесленные мастерские: сапожная, маслособойная и по изготовлению глиняных игрушек. Отдельные разделы статьи посвящены многочисленным находкам, их атрибуции и датировке. Подробно рассмотрен некрополь церкви Ильи Пророка, исследованный в 1936–1937 гг. Отметим, что в статье нашлось место характеристике керамического материала, а также результатам исследований костей животных, изученных В. И. Громовым. Хотя наличие кожевенного и маслособойного производств впоследствии не подтвердилось, опубликованный материал во многом изменил представление о средневековом Новгороде.

Комплексный характер исследований и высокий методический уровень работ А. В. Арциховского позволяют назвать их образцовыми для своего времени. Они вывели на новый этап изучение древнерусского города в целом. Методика раскопок культурного слоя квадратами 2 x 2 м по пластам в 20 см, его стратиграфическое расчленение и датировка, выделение отдельных синхронных ярусов застройки, характеристика разных категорий находок – все это было сделано впервые. Последующие работы Новгородской экспедиции – на Ярославовом Дворище и на Неревском раскопе – во многом опирались на методические приемы, разработанные на Славне.

Яркие результаты раскопок на Славне всегда отмечались в итоговых публикациях, посвященных новгородской археологии (Колчин, Янин, 1982. С. 9–14; Янин, Рыбина, 2011. С. 19–21). Но попыток заново их комплексно проанализировать не предпринималось. Рассматривались лишь отдельные категории находок. В. Л. Яниным опубликованы вислые свинцовые печати, В. И. Поветкиным – глиняные птички-погремушки и шумящие привески (Янин, 1977. С. 186, 210. № 524-3, 641-5; Поветкин, 2004. С. 114–118. Табл. 1, 3). В научный оборот введены краниологические данные из раскопок кладбища у церкви Ильи Пророка (Пежемский, 2004. С. 106–113), пересмотрены данные о кожевенном производстве на Славне (Осипов, 2010. С. 207–209).

Впервые археологические исследования широкой площадью влажного культурного слоя, насыщенного органикой, были осуществлены в Старой Ладогe Н. И. Репниковым. В 1909–1910 гг. на Земляном городище он заложил разведочные шурфы, а в 1911–1913 гг. вскрыл 400 кв. м поселения, применяя фиксацию по слоям и используя деление стратиграфии на строительные ярусы (Репников, 1948. С. 11–70).

К 1932 г. материалы этих работ оставались неопубликованными, но А. В. Арциховский, вероятно, был с ними знаком. Можно предположить, что принцип деления вскрытых сооружений на строительные

ярусы были использованы им именно на примере Старой Ладogi. Эту методику он развил дальше, использовав стену посадника Федора как своеобразный хронологический маркер. Вслед за Н. И. Репниковым на Славне Арциховский применил редкие для того времени приемы – использование вагонеток для вывоза отработанной земли, а также консультации остеолога для изучения коллекции костей животных (Носов, 2018. С. 47). Отметим здесь и схожую традицию обозначения квадратов раскопа буквами.

Сохранилось командировочное удостоверение Н. И. Репникова от ГАИМК в Новгород с 15 по 18 июля 1932 г. (удостоверение выписано 12 июля 1932 г.) (НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1932. Ед. хр. 97. Л. 14). Можно предположить, что цель поездки – осмотр раскопа и консультирование А. В. Арциховского по методике работ. Неизвестно, был ли в это время Н. И. Репников в Новгороде, но даже если поездка не состоялась, то вполне могли быть заочные консультации.

Перед раскопками на Славне у А. В. Арциховского уже был опыт исследования памятника с влажным культурным слоем. В 1930 г. на Курском городище на р. Ловать он заложил раскоп площадью 56 кв. м и разрезал вал (Арциховский, 1936. С. 187–190). Результаты оказались весьма скромными, но были получены навыки фиксации открытых деревянных конструкций, которыми насыщен культурный слой Новгорода. Заметим, что к этому времени полевая деятельность А. В. Арциховского была связана, в основном, с изучением курганных древностей. Возможно, поэтому нельзя назвать удачными его археологические работы 1929 г. на Новгородском «Рюриковом» городище.

Вопросам организации экспедиции и раскопок 1932 г. на Славне посвящена отдельная публикация. Она основана на архивных документах и дневниковых записях А. В. Арциховского. В ней прослежена подготовка и хронологическая канва археологических исследований, показан состав участников и первоначальная программа исследований (Гайдуков, 1994).

Представляется, что первый полевой сезон был наиболее важным в цикле работ на Славне. Он не дал данных об искомым напластованиях IX–X вв., но подтвердил первоначальные предположения о перспективности работ на Славенском холме. Полученные результаты убедили А. В. Арциховского в необходимости увеличения площади и продолжения работ на этом участке, хотя в Новгороде было немало других перспективных мест для раскопок, обозначенных им самим: Детинец, Перынский скит, Ярославово дворище.

Несмотря на небольшую открытую площадь основного раскопа (8 × 8 м; 64 кв. м), деление стратиграфии на слои и выделение трех строительных ярусов в «черном жирном слое» осуществлено именно в сезоне 1932 г. Отметим, что выделение ярусов, соотношение их с пластами и на данный момент является наиболее сложной составляющей при обработке полевой документации даже с учетом данных дендро-

хронологии, которыми не располагали А. В. Арциховский, М. К. Каргер и Б. А. Рыбаков. Тогда же была предпринята попытка использовать некоторые категории вещей как хронологические маркеры: стеклянные браслеты и шиферные пряслица (Арциховский, Каргер, 1933. С. 64). Впоследствии и этот подход получит свое должное развитие.

При разбивке раскопа на квадраты А. В. Арциховский использовал весьма неудобную двойную систему буквенных обозначений, которую в дальнейшем пришлось дополнять путем еще большего усложнения. В полевом сезоне 1932 г. исследована небольшая площадь (16 квадратов), и подобная система выглядела оправданной. Исследованы квадраты по линии X–E, Ц–E, Ч–E, Ш–E (с запада на восток) (рис. 3). В южной половине раскопа затронута каменная кладка (квадраты ЧВ, ЧГ, ЧД, ЧЕ). Для определения ее трассы был снят верхний слой в траншеях, примыкавших к раскопу с востока, и кладку проследили на протяжении 29 м (Арциховский, Каргер, 1933. Рис. на с. 60). Уже тогда это сооружение было предположительно интерпретировано как стена посадника Федора 1335 г., что впоследствии подтвердилось.

Первая публикация материалов раскопок на Славне завершалась обозначением планов на следующий полевой сезон – увеличение площади раскопок для изучения застройки и дальнейшее исследование каменной стены (Арциховский, Каргер, 1933. С. 64). Однако в 1933 г. раскопки не состоялись.

Репрессии по «Академическому делу» (1929–1931 гг.), направленные на представителей исторической науки, получили свое продолжение в рамках «Дела славистов» (1933–1934 гг.). Оно началось с разгрома коллектива сотрудников Русского музея в Ленинграде. В начале 1933 г. дело дошло до Новгородского музея – были арестованы его сотрудники Б. В. Шевяков, Н. Г. Порфиридов и С. М. Смирнов. Порфиридов и Смирнов принимали участие в совещании с сотрудниками ГАИМК по поводу организации археологических исследований на Славне в мае 1932 г. (Гайдуков, 1994. С. 38). Очевидно, что они оказывали поддержку А. В. Арциховскому и во время самого полевого сезона. По этому делу проходил и сотрудник Новгородского музея В. С. Пономарев, участвовавший в раскопках Арциховского и руководивший раскопками на ул. Декабристов осенью 1932 г. (Гайдуков, 1994. С. 50). Репрессии не обошли стороной и сам ГАИМК. Чистки его состава начались еще в 1929 г., а многие сотрудники были репрессированы по «Академическому делу» и «Делу славистов» (Формозов, 1998. С. 198–199).

А. В. Арциховского репрессии не коснулись, но в сложившихся условиях продолжать раскопки в Новгороде он, вероятно, не смог. К весне 1934 г. возник новый значительный проект – археологические наблюдения по трассе Московского метрополитена. 7 мая 1933 г. между Управлением строительства метрополитена и ГАИМК был заключен договор. В нем предусматривались повседневный надзор археологов за земляными работами, а также чтение лекций перед рабочими и инжене-

рами. Начальником экспедиции назначили А. В. Арциховского (Формозов, 2007. С. 143–150).

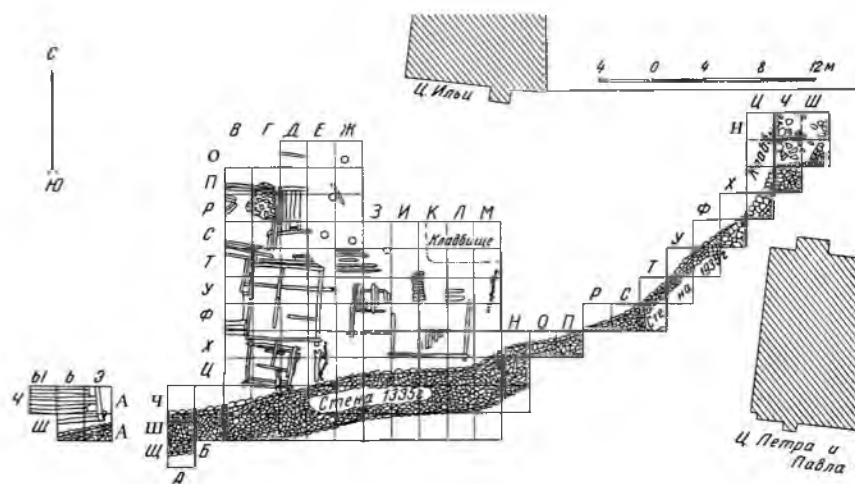

Рис. 3. План основного раскопа на Славне. По: Арциховский А. В., 1949. С. 120. Рис. 1 (с исправлениями и добавлениями)

Работы на Славне возобновились в 1934 г. Раскоп 1932 г. расширили к северу на 64 кв. м (квадраты по линии С–Е, Т–Е, У–Е, Ф–Е) (рис. 3). Был доследован сруб, частично открытый в 1932 г., А. В. Арциховский интерпретировал его как «избу сапожника». Значительные усилия были сосредоточены на исследовании каменной стены. С запада к раскопу 1932 г. прирезали два квадрата (ЧБ и ШБ), а на востоке трассу стены проследили траншеями (12 новых квадратов), снимая лишь верхний слой до уровня кладки. К концу сезона 1934 г. она была открыта на протяжении 48 м. В публикации, посвященной итогам работ, это сооружение уже совершенно определенно обозначено как стена посадника Федора 1335 г. (Арциховский, Рыбаков, 1937. С. 186–188. Рис. 2).

Полевой сезон 1934 г. подтвердил выводы и предположения, сделанные в 1932 г. Все методические решения получили свое развитие. Тем не менее А. В. Арциховский писал, что «раскопки надо считать еще только начатыми. Необходимо еще несколько раскопочных кампаний, чтобы основательно изучить хозяйственную историю данного городского участка» (Арциховский, 1935. С. 118).

Но исследования на Славне вновь прервались. В 1935 г. в Новгороде, за исключением небольших работ М. К. Каргера в Юрьевом монастыре и Г. П. Гроздилова на Рюриковом городище, археологических исследований не проводилось. После убийства С. М. Кирова в декабре 1934 г. ужесточились репрессии. Вполне вероятно, что и А. В. Арциховский стоял у опасной черты. Ранее были репрессированы многие его учителя и коллеги по МГУ и ГАИМК. Как свидетеля его вызывали на допросы по делу

арестованных в январе 1935 г. коллег А. С. Башкирова, И. Н. Бороздина и А. А. Захарова, которые впоследствии были осуждены и сосланы в Казахстан (Ватлин, Канторович, 2001. С. 129–130).

Полевая деятельность А. В. Арциховского в 1935 г. вновь сосредоточена в Москве – на наблюдениях при строительстве уже второй очереди метрополитена. Ученый продолжил руководить бригадой археологов. Работы велись с 1 июля 1935 г. по январь 1936 г. (Горюнова, 1947. С. 44).

Раскопки на Славне возобновились только летом 1936 г. А. В. Арциховский так обозначил их цели: «изучение древнерусского ремесла, древнерусской фортификации и городского быта древнего Новгорода» (НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1936. Ед. хр. 332. Л. 1).

Основной раскоп был расширен на 48 кв. м к северу (по линии квадратов ПВ–ПЖ, РВ–РЖ, ОД–ОЖ) (рис. 3). В ходе этих работ открыто самое раннее сооружение на Славенском холме – очаг, находящийся под деревянным помостом нижнего яруса (квадраты РГ, РД и ПГ). «Очаг лежал в самом основании культурного слоя и не был врыт в землю; его сооружение относится, вероятно, ко времени первого поселения на этом месте» (Арциховский, 1949. С. 128. Рис. 5). При его расчистке обнаружен дирхем, датированный А. И. Тереножкиным X в. Автор раскопок отметил, что этому времени соответствовала и керамика из очага, но не привел ни ее описания, ни рисунков, обозначив лишь, что она принадлежит к ранним формам курганной керамики (Арциховский, 1949. С. 128). Следует отметить, что ранняя керамика здесь была. Ее рисунки приведены в опубликованных материалах раскопа 1934 г., примыкавшего в описываемому очагу с юга (Арциховский, Рыбаков, 1937. С. 189. Рис. 15, два профиля справа; Рис. 16, правый фрагмент). В ней можно опознать раннюю новгородскую валиковую (тип I) и псевдоваликовую (тип II) керамику, которая на Троицком раскопе бытует с 930-х гг. до рубежа XI–XII в. и с 930-х гг. до рубежа X–XI вв. (Малыгин, Гайдуков, Степанов, 2001. С. 88–89. Табл. 3. Рис. 2, 4).

Основные усилия в 1936 г. сосредоточили на изучении стены: с юго-запада к ее исследованной части прирезаны квадраты ЧА, ША, ЩА. Далее, пропустив 4 метра из-за водопровода и сада, выкопано еще 5 квадратов. Они имели уже трехбуквенное обозначение (ЧЭА, ШЭА, ЧБА, ШБА, ЧБА). К сетке раскопа в юго-восточном секторе присоединены квадраты ХН, ЦН и ЧН, чтобы исследовать стену в полную ширину. Продолжилось и дальнейшее изучение ее трассы в северо-восточном направлении. Здесь раскрыт участок в 24 кв. м: квадраты по линиям НЦ–НШ и ОЦ–ОШ. Он затронул часть некрополя церкви Ильи Пророка (38 погребений). Общая площадь исследованной части стены составила 116 м.

В 1937 г. масштаб археологических исследований на Славне значительно увеличился. Основной раскоп был расширен на 192 кв. м на восток (квадраты по линиям СЖ–СМ, ТЗ–ТМ, УЗ–УМ, ФЖ–ФМ, ХЖ–ХМ, ЦЖ–ЦМ, ЧЗ–ЧМ, ШХ–ШЗ), что позволило раскрыть стену на всю

ширину на довольно большом участке и открыть новые срубы (рис. 3). Один из них, благодаря находкам целых и бракованных глиняных игрушек, интерпретирован как мастерская игрушечника. В северо-восточной части раскопа вновь частично исследован некрополь (17 погребений).

Для дальнейшего изучения стены посадника Федора на значительном удалении от основного раскопа к северо-востоку заложены три траншеи: одна на Посольской улице (40 кв. м) и две на Воскресенском переулке (48 и 20 м) (рис. 2, 1а). Стена была открыта только на Посольской улице. В связи с этим на пересечении Посольской улицы и Воскресенского переулка заложен Воскресенский раскоп (88 кв. м), в котором не только расчищена кладка каменного сооружения, но и зафиксирован его обрыв (рис. 2, 1а). Это позволило А. В. Арциховскому сделать вывод о незаконченности строительства стены.

На этом работы на Славне завершились. В 1938 г. экспедиция начала многолетние исследования на новом объекте – Ярославском двореце.

Общая площадь всех раскопов и шурфов на Славне составила 624 кв. м, а основного раскопа – 508 кв. м. А. В. Арциховский датировал основные средневековые напластования XI–XIV вв. и был уверен, что исследовал ремесленный район Новгорода (Арциховский, 1949. С. 124, 136). Но опубликованный комплекс находок указывает и на элитные вещи, характерные для состоятельных горожан: вислые свинцовые печати, книжные застежки, фрагмент энколпиона, западноевропейские товарные пломбы.

Археологические исследования в южной части Славенского конца, проведенные в последние 20 лет, значительно дополнили и скорректировали выводы Арциховского.

В 1996 г. для уточнения трассы стены 1335 г. А. М. Степановым к югу от ул. Посольской (между Воскресенским раскопом и раскопом на Славне) заложено 3 шурфа (рис. 2, б). Каменная кладка зафиксирована в двух из них (Степанов, 1997. С. 20–21).

В 1999 г. в 90 м к северо-востоку от основного раскопа Арциховского О. А. Тарабардиной проведены исследования на Посольском раскопе (площадь 640 кв. м) (рис. 2, 2). По данным дендрохронологии время заселения участка отнесено к концу XII – началу XIII в. При этом установлено, что жители усадеб занимались сапожным и кожевенным ремеслом, а также обработкой бронзы (Тарабардина, 2004. С. 244).

В 2008 г. рядом с Воскресенским раскопом 1937 г. М. И. Петровым проведены работы на Посольском раскопе (площадь 240 кв. м) (рис. 2, 3). Найдена бракованная отливка круглой скандинавской фибулы, в материковых ямах выявлены фрагменты лепных керамических сосудов, а на отдельных участках материка – следы распашки. Начало хозяйственного освоения этого участка отнесено к X – первой половине XI в. (Петров, 2009. С. 80–83). Комплекс материалов Посольского раскопа хронологически вполне может соотноситься с ранним очагом, исследованным в 1936 г.

В 2014 г. к востоку от раскопа на Славне М. И. Петровым проведены исследования на Петропавловских I–II раскопах (площадь 200 кв. м), где изучены напластования XIV–XV вв. (рис. 2, 5). Здесь выявлены следы литейного производства, найдены четыре печати и две западноевропейские товарные пломбы (Петров, 2015. С. 132–135).

В 2017 г. в шурфах для прокладки городских коммуникаций в южной части ул. Знаменской (на территории бывшего водоканала) О. М. Олейниковым обнаружен фундамент стены посадника Федора (рис. 2, в). Выявлено продолжение стены в западном направлении с поворотом на юг, где она соединяется с каменной постройкой прямоугольной формы – вероятно, проездной каменной башней (Гайдуков и др., 2019. С. 60–65).

Дальнейшее изучение и полная публикация полевой документации и вещевого комплекса материалов раскопок А. В. Арциховского на Славне актуальны. Уточнится время освоения раскопанного участка, социальная принадлежность его жителей, зона разграничения жилой застройки и некрополя XV–XVI вв. Перспективны дальнейшие исследования стены посадника Федора в западном направлении.

Материалы раскопок А. В. Арциховского на Славенском холме в 1930-х гг. имеют значительный интерес для исследования топографии, фортификации и материальной культуры средневекового Новгорода.

Литература

Арциховский А. В., Каргер М. К. Раскопки 1932 г. в Новгороде Великом // Проблемы истории материальной культуры. Л., 1933. № 1–2. С. 60–64.

Арциховский А. В. Раскопки в Новгороде Великом летом 1934 г. // Историк-марксист. 1935. № 1 (41). С. 116–118.

Арциховский А. В. Раскопки 1930 г. в Новгородской земле // Советская археология. Т. I. 1936. С. 187–194.

Арциховский А. В., Рыбаков Б. А. Раскопки на Славне в Новгороде Великом // Советская археология. Т. III. 1937. С. 179–193.

Арциховский А. В. Раскопки на Славне в Новгороде // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 119–151. (МИА, № 11.)

Ватлин А. Ю., Канторович А. Р. Из истории археологической науки (несостоявшийся судебный процесс 1935 г.) // Российская археология. 2001. № 3. С. 123–131.

Гайдуков П. Г. 1932 год – начало планомерного археологического изучения Новгорода // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 35–53.

Гайдуков П. Г., Олейников О. М., Богомолов А. В., Исаев А. А., Короткова Е. В., Чайковский О. Л. Археологические исследования на Торговой стороне Великого Новгорода в 2017 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы науч. конф. Вып. 32. Великий Новгород, 2019. С. 60–65.

Горюнова Е. И. Итоги работ археологического надзора на строительстве II очереди московского метрополитена им. Л. М. Кагановича // Материалы и

- исследования по археологии Москвы. Т. I / под ред. А. В. Арциховского. М.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 44–54. (МИА, № 7.)
- Засурцев П. И. Археологические раскопки на Славне в Новгороде // Историк-марксист. 1938. № 3 (67). С. 157–160.
- Каргер М. К. Основные итоги археологического изучения Новгорода // Советская археология. 1947. Т. IX. С. 137–168.
- Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982. С. 3–136.
- Мальгин П. Д., Гайдуков П. Г., Степанов А. М. Типология и хронология новгородской керамики X–XV вв. (по материалам Троицкого XI раскопа) // ННЗИА. Вып. 15. Новгород, 2001. С. 82–97.
- Носов Е. Н. Стратиграфия Земляного городища Старой Ладogi: итоги и перспективы исследований // Новое в археологии Старой Ладogi: материалы и исследования. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 45–66.
- Осипов Д. О. К вопросу о дате разделения кожевенного и сапожного ремесел (анализ материалов раскопок в Новгороде Великом и Москве) // Археология Подмосковья. Вып. 6. М.: ИА РАН, 2010. С. 206–217.
- Пежемский Д. В. Краниологические материалы из раскопок А. В. Арциховского 1936–1938 и 1952 гг. // Новгородские археологические чтения-2. Великий Новгород, 2004. С. 106–113.
- Петров М. И. Славенский конец средневекового Новгорода: раскоп Посольский-2008 // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы науч. конф. Вып. 23. Великий Новгород, 2009. С. 80–90.
- Петров М. И. Славенский конец средневекового Новгорода: Петропавловский раскоп // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы науч. конф. Вып. 29. СПб., 2015. С. 129–137.
- Поветкин В. И. Начало источниковой базы музыкальной археологии в Великом Новгороде (музыкальные древности из раскопок А. В. Арциховского) // Новгородские археологические чтения-2. Великий Новгород, 2004. С. 114–123.
- Репников Н. И. Раскопки в городище Старой Ладogi. Отчет о работах 1909–1913 гг. // Старая Ладoga. Материалы археологических экспедиций / отв. ред. В. И. Равдоникас. Л.: Гос. музей этнографии, 1948. С. 11–70.
- Степанов А. М. Исследования 1996 г. на Славне // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы науч. конф. Вып. 11. Новгород, 1997. С. 19–25.
- Тарабардина О. А. Посольский раскоп 1999 года в Новгороде: стратиграфия, хронология, атрибуция комплексов // Новгородские археологические чтения-2. Великий Новгород, 2004. С. 234–245.
- Формозов А. А. Русские археологи и политические репрессии 1920–1940-х гг. // Российская археология. 1998. № 3. С. 191–206.
- Формозов А. А. Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007. 184 с.
- Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 2. Новгородские печати XIII–XV вв. М.: Наука, 1970. 368 с.
- Янин В. Л., Рыбина Е. А. Новгородская археология за 75 лет: Основные вехи истории // Новгородские археологические чтения-3. Великий Новгород, 2011. С. 16–39.